

Василий АКСЁНОВ

1932—2009

Василий Павлович Аксёнов, русский писатель, драматург, сценарист, переводчик, педагог, родился в Казани. Отец — П. В. Аксёнов, партийный деятель. Мать — Е. С. Гинзбург, журналистка. В 1937 году родители были арестованы, и он попал в детский дом, откуда его через год забрали родственники. В 1948 году переехал к матери в Магадан. В 1956 году окончил 1-й Ленинградский медицинский институт. До 1960 года работал врачом, затем занялся литературством. В 1980 году, после выезда в США, его лишили гражданства

СССР, и он был вынужден остаться в США. Был журналистом «Голоса Америки» и «Радио Свобода». В 1990 году ему вернули гражданство СССР. Жил последние годы во Франции, но умер в Москве, в возрасте 76 лет. Похоронен на Ваганьковском кладбище. Основные произведения: «Московская сага», «Остров Крым», «Редкие земли», «Коллеги», «Звёздный билет», «Ожог» и др. Помимо прозы и драматургии, писал сценарии к художественным фильмам, был соавтором группового авантюрного романа «Джин Грин — неприкасаемый», издал одну книгу на английском языке («Желток яйца», 1989).

ЗАВТРАКИ СОРОК ТРЕТЬЕГО ГОДА

— Да-да, есть такая теория, вернее, гипотеза. Предполагается, что спутники Марса — Фобос и Деймос — несколько тормозятся атмосферой этой планеты. Следовательно, внутри они полые, понимаете? А полые тела, как известно, могут быть созданы только... как?

— Только, только... — залепетала, словно школьница, первая дама.

— Только искусственным путём.

— Боже мой! — воскликнула более сообразительная дама.

— Да, искусственным. Значит, они сделаны какими-то разумными существами.

Я смотрел на человека, который рассказывал столь интересные вещи, и мучительно пытался вспомнить, где я видел его раньше. Он сидел напротив меня в купе, покачивал элегантно вскинутой ногой. Он был в синем, достаточно модном, но не вызывающе модном костюме, в безупречно белой рубашке и галстук в тон костюму. Всё в нём показывало человека не опустившегося, да и не собирающегося опускаться, к тому же и лет ему было не так уж много — максимум тридцать пять. Некоторая припухлость щёк делала его лицо простым и милым. Всё это не давало мне ни малейшей возможности предполагать, что я его где-то встречал раньше. И только то, что он иногда как-то странно знакомо кривил губы, и временами мелькающие в его речи далёкие и знакомые интонации заставляли приглядываться к нему.

— Последние находки в Сахаре и Месопотамии позволяют думать, что в далёкие времена на Земле побывали пришельцы из космоса.

— Может быть, те самые марсиане? — в один голос ахнули дамы.

— Не исключена такая возможность, — улыбаясь, сказал он. — Не исключена возможность, что мы прямые потомки марсиан, — веско закончил он и, оставив дам в смятенном состоянии, взялся за газеты.

У него была толстая пачка газет, много названий. Он просматривал их по очереди и, просмотрев, клал на стол, придавливая локтем.

За окном проносились красные сосны и молодой подлесок, мелькали яркие солнечные поляны. Лес был тёплый и спокойный. Я представил себе, как я иду по этому лесу, раздвигая кусты и путаясь в папоротниках, и на лицо мне ложится невидимая лесная паутина, и я выхожу на жаркую поляну, а белки со всех сторон смотрят на меня, внушая добрые скудоумные мысли.

Всё это почему-то самым решительным образом противоречило тому, что связывало меня с этим человеком, укрывшимся за газетой.

— Разрешите посмотреть, — попросил я и легонько дёрнул у него из-под локтя газету.

Он вздрогнул и выглянул из-за газеты так, что я сразу его вспомнил.

Мы учились с Ним в одном классе во время войны в далёком перенаселённом, заросшем жёлтым грязным льдом волжском городе. Он был третьегодник, я догнал Его в четвёртом классе в сорок третьем году. Я был тогда хил, ходил в телогрейке, огромных сапогах и тёмно-синих штанах, которые мне выделили по ордеру из американских подарков. Штаны были жёсткие, из чёртовой кожи, но к тому времени я их уже износил, и на зад у меня красовались две круглые, как очки, заплаты из другой материи. Всё же я продолжал гордиться своими штанами — тогда не стыдились заплат. Кроме того, я гордился трофейной авторучкой, которую мне прислала из действующей армии сестра. Однако я недолго гордился авторучкой. Он отобрал её у меня. Он всё отбирал у меня — всё, что представляло для Него интерес. И не только у меня, но и у всего класса. Я вспомнил и двух Его товарищей — горбатого паренька Люку и худого, бледного, с горящими глазами

Казака. Возле кинотеатра «Электро» вечерами они продавали папиросы раненым и каким-то удивительно большим, огромным женщинам.

Когда мы выходили из кино, мы постоянно наталкивались на них. Они попрыгивали с ноги на ногу и покрикивали:

— Эй, летуны, папиросы есть?

Мы с Абкой старались обойти их, укрыться в тени, но они всё равно нас не замечали. Вечером они не узнавали нас, словно мы не учились с ними в одном классе, словно они не отбирали у нас каждый день наших школьных завтраков.

В школе нам каждый день выдавали завтраки — липкие булочки из пеклеванной муки. Староста нёс их наверх в большом блюде, а мы стояли на верхней площадке и смотрели, как к нам плывёт из школьных недр, из горестных глубин плывёт это чудесное блюдо.

— Правда, интересное событие? — сказал я Ему и показал то место в газете, где было сказано о событии.

Он заглянул, улыбнулся и стал рассказывать мне подробности этого события. Я кивал и смотрел в окно. Мне было трудно смотреть в Его голубые глаза, потому что они каждый день встречали меня за углом школы.

— Давай, — говорил Он, и я протягивал Ему свою булочку, на которой оставались вмятины от моих пальцев.

— Давай, — говорил он следующему, а рядом с ним работали Люка и Казак.

Я приходил домой и ждал младшую сестрёнку. Потом мы вместе ждали тётю. Тётя возвращалась с базара и приносила буханку хлеба и картошку. Иногда она ничего не приносила. Тётя дралась за нас с сестрёнкой с покорной, вошедшей уже в привычку яростью. Каждое утро, собираясь в школу, я видел, как она проходит под окнами, широкоплечая и низкая, нос картошкой, а тонкие губы сжаты.

Однажды она сказала мне:

— Нина приносит завтраки, а ты нет. Рустам приносит и все ребята с того двора, а ты съедаешь сам.

Я вышел во двор и сел на поломанную железную койку возле террасы. В сером темнеющем небе над липами кружили грачи. За забором шли военные девушки. «И пока за туманами виден был паренёк, на окошке у девушки всё горел огонёк». Чем питаются грачи? Насекомыми, червяками, воздухом? Им хорошо. А может быть, у них тоже есть кто-нибудь такой, кто

всё отбирает себе? Флюгер над нашим домом резко скрипел. Низко над городом шли пикировщики. Что будет со мной?

Всю ночь тётя стирала. Вода струилась за ширмой, плескалась, булькала. Темнели омуты, гремели водопады, Гитлер в смешных полосатых трусах захлёбывался в мыльной пене, тётя давила его своими узловатыми руками.

На следующий день произошло событие. Булочки были смазаны тонким слоем сала «лярд» и посыпаны яичным порошком. Я вырвал из тетрадки листок, завернул в него булочку и положил её в сумку. За углом, сотрясаясь от отваги, я схватил Его за пуговицы и ударил. Абка Циперсон сделал то же самое, и кое-кто из ребят. Через несколько секунд я уже лежал в снегу, Казак сидел верхом на мне, а Лека совал мне в рот мой же завтрак:
— На, смелый, кусни!

— Вот вся суть этой истории, — сказал Он. — Я это знаю, потому что мой близкий друг имел к этому некоторое отношение. А в газетах только голая информация, подробности события часто ускользают, это естественно.

— Понятно, — сказал я и поблагодарил Его: — Спасибо.

Рядом мило щебетали дамы. Они угощали друг друга вишнями и говорили о том, что это не вишни, что вот на юге — это вишни, и неожиданно выяснилось, что обе они родом из Львова, Боже мой, и вроде бы жили на одной улице, и, кажется, учились в одной школе, и совпадений оказалось так много, что дамы в конце концов слились в одно огромное целое.

На другой день, когда кончился последний урок, я положил тетрадки в сумку и оглянулся на «камчатку». Казак, Люка и Он сидели вместе на одной парте и улыбались, глядя на меня. По моему лицу они, видимо, поняли, что я снова буду отстаивать свой завтрак. Они встали и вышли. Я нарочно долго сидел за партой, ждал, когда все уйдут. Мне не хотелось снова вовлечь в это бессмысленное дело Абку и других ребят. Когда все ушли, я проверил свою рогатку и высыпал из сумки в карман запас оловянных пулек. Если они снова будут стоять за углом, я выпущу в них три заряда и наверняка попаду каждому в морду, а потом, как Антоша Рыбкин, чётким и лёгким приёмом схвачу одного из них за ногу, может быть, Люку или Казака, но лучше Его, и опрокину на спину. Ну, потом будь что будет. Пусть они меня изобьют, я буду делать это каждый день.

Я медленно спускался по лестнице, перебирая в кармане оловянные пули. Кто-то прыгнул мне сверху на спину, а впереди

передо мной вырос Он. Он схватил меня пятернёй за лицо и сжал. Снизу кто-то потянул меня за ноги. Слышался лёгкий презрительный смех. Работа шла быстрая. Они стащили с меня сапоги и размотали всё, что я накручивал на ноги. Потом они развесили всё это дурно пахнущее тряпье на лестнице и стали спускаться.

— Держи сапоги, смелый! — крикнул Он, и мои сапоги, смешно кувыряясь, взлетели вверх.

Весело смеясь, шайка удалилась. Завтрак мой прихватить они забыли.

— Разрешите пригласить вас отобедать со мной в вагоне-ресторане, — сказал я Ему.

Он отложил газету и улыбнулся.

— Я только что хотел сделать это по отношению к вам, — сказал Он. — Вы меня опередили. Позвольте мне пригласить вас.

— Нет-нет! — охваченный огромным волнением, вскричал я. — Как говорится в детстве, чур-чур. Вы меня понимаете?

— Да, понимаю, — сказал Он, внимательно глядя мне в глаза...

Я заплакал. Я собирал свои тряпочки, предметы тёткиной заботы, и плакал. Я чувствовал, что теперь уже я разбит окончательно и не скоро смогу разогнуться и что пройдёт ещё немало лет, прежде чем я смогу забыть этот лёгкий презрительный смех и пальцы, сжимавшие моё лицо. Раздались звонки и нарастающий топот многих ног, и по лестнице мимо меня с гиканьем скатилась лавина старшеклассников.

Я вышел на улицу и пересёк её, пролез между железными прутьями и пошёл по старому запущенному парку, по аллее, в конце которой неслась ватага старшеклассников. Я медленно брёл по их следам, мне хотелось посмотреть, как они играют в футбол.

Там, возле наполовину растасканной на дрова летней читальни, была вытоптанная нашей школой площадка. Старшеклассники, разбившись на две ватаги, проносились по ней то туда, то сюда. Каждое наступление было сокрушительным, в какую бы сторону оно ни велось, оно было стремительным и диким, с неизбежными потерями и с победным воем. Волны пота то набегали, то уносились прочь, а я сидел у кромки поля, и надо мной проносились большие сильные ноги, валенки, сапоги, и, словно желая вселить в меня уверенность в своих силах, они дрались за своё право владеть мячом всё сильнее, всё ожесточённее, они, старшеклассники.

Проваливаясь по пояс в глубокий снег, я подавал им мячи, залетающие в парк.

Я так и не знаю, было это поражением или победой. Иногда они, Казак, Люка и Он, останавливали меня и отбирали мой завтрак, и я не сопротивлялся, а иногда они почему-то не трогали меня, и я нёс свою булочку домой, и вечером мы пили чай, закусывая вязкими ломтиками пеклеванного теста...

Мы шли по вагонным коридорам, и я открывал перед Ним двери и пропускал Его вперёд, а когда Он шёл впереди, Он открывал передо мной двери и пропускал меня вперёд. Мне повезло — дверь в ресторан открыл я.

Когда-то они узнали, что мать Абки Циперсона работает в больнице.

— Слушай, Старушка-Не-Спеша-Дорожку-Перешла, притащил бы ты от своей матухи глюкозу, — сказали они ему.

Абка некоторое время уклонялся, а потом, когда они «расписали» в клочья его портфель, принёс им несколько ампул. Глюкоза им понравилась — она была сладкая и питательная. С тех пор они стали звать Абку не так, как раньше, а Глюкозой.

— Эй, Глюкоза, — говорили они, — иди-ка сюда!

Не знаю, от чего Абка больше страдал: от того ли, что ему приходилось воровать, или от того, что его прозвали так зарзительно и стыдно.

Так или иначе, но однажды я увидел, что он дерётся с ними. Я бросился к нему, и нас обоих сильно избили. Каждый из этой троицы был сильнее любого из нашего класса. Они были старше нас на три года.

Конечно, мы могли бы объединиться и сообщая им «отоварить», но школьный кодекс говорил, что драться можно только один на один и до первой крови. В силу своей мальчишеской логики мы не понимали, как это можно бить того, кто явно слабее, или втроём бить одного, или всем классом бить троих. В этом всё дело: они боролись за еду, не придерживаясь кодекса. И ещё в том, что они не отстаивали, а отбирали. Они были старше нас.

«Почему же Он меня не узнаёт?» — думал я.

В вагоне-ресторане было пусто, красиво и чисто. Столики светились белыми крахмальными скатертями, и только один, видимо, недавно покинутый, хранил следы обильного пиршества.

Я заказывал. Я не скупился. Коньяк — так «Отборный», прекрасно. Не время мне было скупиться и зажимать монету. Самое время было разойтись вовсю. Жаль, что в отношении еды пришлось ограничиться обычным вагонресторанным набором — солянка, шашлык и компот из слив.

Я вёл с Ним простой дружелюбный разговор о смене времён года и смотрел на Его руки, на маленькие рыжие волосики, выбивающиеся из-под браслета. Потом я поднял глаза и вспомнил ещё одну интересную вещь.

Сердце у Него было не с левой, а с правой стороны. Позднее я узнал, что это явление называется «декстрокардией» и бывает, в общем, редко, страшно редко, считанные единицы таких людей на свете.

В самом начале учебного года, когда они ещё не перешли на насильственное изъятие продовольственных излишков, Он спорил с нами на этот счёт. Спорил на завтрак.

— Спорим, что у меня сердце не с той стороны, — говорил Он и горделиво расстёгивал рубашку.

Потом, когда все уже знали об этой Его особенности, Он перешёл на силовой шантаж.

— Спорим? — спрашивал Он, садился рядом и выворачивал тебе руку. — Споришь или нет? — и расстёгивал рубашку.

Тук-тук, тук-тук — ровно и мерно стучало с правой стороны сердце.

Тяжёлую лучистую поверхность солянки тревожила равномерная вагонная тряска. Янтарные капли жира дрожали, собирались вокруг маленьких кусочков сосиски, плававших на поверхности, а в глубине этого варева таилось чёрт-те что — кусочки ветчины, и огурцы, и кусочки куриного мяса.

— Какой хлеб! — сказал я. — А помните, во время войны был какой хлеб?

— Да, — сказал Он, — неважный был тогда хлеб.

Я набрался сил и посмотрел Ему в глаза:

— Помните наши школьные завтраки?

— Да, — твёрдо сказал Он, и я понял по Его тону, что силы у него по-прежнему достаточно.

— Такие вязкие пеклеванные булочки, да?

— Да-да, — улыбнулся Он, — ну и булочки...

Ноги у меня ходили ходуном. Нет, я не могу сейчас. Нет, нет... Пусть Он всё съест. Ведь мне приятно смотреть, как Он ест. Он насытится, и я заплачу.

— Сало «лярд» и яичный порошок, а? — с лёгкостью усмехаясь, спросил я.

— Второй фронт? — в тон мне улыбнулся Он.

— Но больше всего мы любили тогда полсолнечный жмых.

— Это было лакомство, — засмеялся Он.

Обед продолжался в блистательном порхании улыбок.

Французы делают так: наливают коньяк, плюют в него и выплёскивают таким вот типам в физиономию. Разным там коллаборационистам.

— Выпьём? — сказал я.

— Ваше здоровье, — ответил Он.

Подали шашлык.

Прожёвывая сочное, хорошо прожаренное мясо, я сказал:

— Конечно, это не «Арагви», но...

— Совсем неплохо, — подхватил Он, кивая головой и словно прислушиваясь к ходу своих внутренних соков. — Соус, конечно, не «ткемали», но...

Тут меня охватила такая неслыханная злоба, что... Ах ты гурман! Ты гурман. Ты знаешь толк в еде и в винах, наверное, и в женщинах, должно быть... А ручку мою ты по-прежнему носишь в кармане?

Я взял себя в руки и продолжал застольную беседу в заданном ритме и в нужном тоне.

— Удивительное дело, — сказал я, — как усложнилось с ходом истории понятие «еда», сколько вокруг этого понятия споров, сколько нюансов...

— Да, да, — подхватил Он с готовностью, — а ведь понятие самое простое.

— Верно. Проще простого — еда. Е-да. Самое простое и самое важное для человека.

— Ну, это вы немножко преувеличиваете, — улыбнулся Он.

— Нет, действительно. Еда и женщины — самое важное, — продолжал я свою наивную мистификацию.

— Для меня есть и более важные вещи, — серьёзно сказал Он.

— Что же?

— Моё дело, например.

— Ну, всё это уже позднейшие напластования.

— Нет, вы меня не понимаете...

Он стал развивать свои соображения. Я понял, что Он меня не узнаёт. Я понял, что Он меня никогда не узнает, как не узнал бы никого другого из нашего класса, кроме Люки и Казака. И я понял почему Он не узнал бы никого из нас: мы не были для Него отдельными личностями, мы были массой, с которой просто иногда нужно было немного повозиться.

— Ну где уж мне вас понять! — неожиданно для самого себя грубо воскликнул я. — Понятно, для вас еда — это что! Ведь вы же прямой потомок марсиан!

Он осёкся и смотрел на меня, сузив глаза. На пухлых его щеках появились желваки.

— Тише, — тихо произнёс Он, — вы мне аппетита не испортите. Понятно?

Я замолчал и взялся за шашлык. Коньяк стоял при мне, и никогда не поздно было в него плюнуть. Пусть Он только всё съест и я заплачу!

Рядом с нами сидел человек в бедной клетчатой рубашке, но зато в золотых часах. Он склонил голову над пивом и что-то шептал. Он был сильно пьян. Вдруг он поднял голову и крикнул нам:

— Эй вы! Чёрное море, понятно?.. Севастополь, да? Торпедный катер...

И снова уронил голову на грудь. Из глубины его груди доносилось глухое ворчанье.

— Официант! — сказал мой сотрапезник. — Нельзя ли удалить этого человека? — он показал не на меня, а на пьяного. — Во избежание эксцессов.

— Пусть сидит, — сказал официант. — Что он вам, мешает?

— Чёрное море... — проворчал человек, — торпедный катер... а может, преувеличиваю...

— Вы в самом деле считаете себя потомком марсиан? — спросил я своего сотрапезника.

— А что? Не исключена такая возможность, — кротко сказал Он.

— Марсиане симпатичные ребята, — сказал я. — У них всё нормально, как у всех людей: руки, ноги, сердце с левой стороны... А вы же...

— Стоп, — сказал Он, — ещё раз говорю: вы мне аппетита не испортите, не старайтесь.

Я перевёл разговор на другую тему, и всё было сглажено в несколько минут, и обед пошёл дальше в блистательном порхании улыбок и в шутках. Вот Он каким стал, просто молодец, железные нервы.

— Да что это мы всё так — «вы» да «вы», — сказал я, — даже не познакомились.

Я назвал своё имя и привстал с протянутой рукой. Он тоже привстал и назвал своё имя.

Того звали иначе. Это был не Он, это был другой человек. Подали сладкое.